

ТАТЬЯНА
БОГАТЫРЕВА

МАТИЛЬДА

ГЛАВА 1

**МАЛЕНЬКИЙ
ОТРЕЗОК
ТРАНИ**

* * *

Тогда она мало еще знала о кошмарах. Она видела дурные сны не чаще любой другой юной девушки. Несложно представить мотивы этих снов и робость, и стеснение, которые можно подавить в себе при свете дня, и страх не справиться с поставленной задачей, и страх быть отвергнутой.

Выйти на сцену и вдруг осознать, что на тебе нет одежды — что может быть банальнее? Она улыбнулась своим мыслям.

Танцевать было для нее так же естественно, как иному человеку употреблять пищу, отводить несколько часов в день на сон, пробуждаться утром, выходить по делам на улицу, возвращаться домой. Сколько она себя помнила — она занималась танцами. Танец был семейным делом — танцевала мама, танцевал отец, учились танцу и танцевали брат и любимая старшая сестра.

Не то, чтобы у нее не было *выбора*. Ей просто никогда не приходило в голову посвятить свою жизнь чему-то *иному*.

Она не любила танцевать, она любила жизнь, и любила жить. А поскольку балет занимал большую

часть ее жизни, был ее способом существования и ее способом взаимодействия с миром, Она любила балет так же, как любила жизнь. Страстно, самоотверженно и с той полной отдачей, в корне которой и крылись причины ее удивительной маниакальной выносливости и трудоспособности.

Она продолжала глубоко и ровно дышать. Следующий номер — это уже *ее* выход. Сотни пар глаз будут следить за каждым ее движением, каждым жестом, холодный и безжалостный свет софитов многократно увеличит любую неточность, и эти глаза в полутьме огромного, знакомого с самого детства зала, эти взгляды — хирургически цепкие, да что там глаза — ведь зрители смотрят балет не только глазами — они приходят сюда, чтобы чувствовать. Они сразу почувствуют даже тень неуверенности.

«Это моя власть, моя власть над ними: что они будут чувствовать, решать буду я, на сцене... Сейчас».

— Маля! Дорогая!

Леньяни стояла вплотную, врываясь в ход мыслей, привнося за собою едва уловимый запах пота и искреннюю, логически обоснованную ненависть. Неумело скрываемая, еле сдерживаемая ненависть, насильственно обращающаяся в дружелобие и открытость, отчетливо выливающаяся в весьма гротескное зрелище.

«Ты стараешься успокоиться, настроиться, держаться, поймать и прочувствовать нужное для номера состояние, — досадливо думала Матильда, — и вездесущая Пьерина Леньяни тут как тут, только бы сбить, только бы хоть немного, но затруднить движение конкурентки».

– Белиссимо! – продолжала Леньяни, без стеснения повисая у нее на шее. Разница в росте и в вековой категории делала ее жест еще более комичным. Захотелось поморщиться.

– Наследник здесь, – заговорчески, слащаво, как близкой подруге. Усыпить бдительность и снова нанести удар – изподтишка, не давая возможности опомниться.

– Зачем вы мне это говорите?

– Ну как же... Наследник...

– Да. И что?

«Даже если я буду падать, я сокру себе: я буду лгать, что не падаю. И тогда я не упаду...» – гнев Матильды выдавало только чуть замедленное дыхание – сдерживаемое, глубокое, оно указывало на то усилие, которое приходилось прилагать, чтобы оставаться – хотя бы видимо – спокойной.

На самом деле ей хотелось отшатнуться от Леньяни, а еще лучше – протянуть подрагивающую руку и оттолкнуть ее, слишком близко стоящую, врывающуюся в личное пространство, в поиски правильного внутреннего настроя перед выступлением.

Пьерина, словно прочитав ее мысли, отстранилась сама, мягко и тягуче, продолжая приобнимать ее за плечи, проводила к самому выходу на сцену.

Она вздрогнула: на мгновение ей показалось, что с горячей кожей соприкасается холодный металл. Не иначе, как Пьерина не нашла ничего лучше, чем заколоть ее перед выходом на сцену – лишь бы она не исполнила свой номер...

«Все не важно, я не дам тебе меня сбить. Все не важно, все, я иду...»

И она шагнула на сцену, растворившись в музыке, став частичкой чего-то большого, яркого и невыразимого — того, что из года в год, из столетия в столетие пытаются выразить, высказать и поймать шокированные красотой люди: композиторы и поэты, художники, танцоры и музыканты.

«Лети!» — призывала музыка, и она делала взмах, плавный, невесомый, и взлетала. «Легче, легче, легко...» — и все становилось тонким, сияние заполняло сцену и ее, двигающуюся с хрупкой грацией неземного существа.

Мягкое сияние проникало в зал, окутывало зрителей, здесь, сейчас, они ощущали и видели только радость, только свет, переживая восторг единения с чем-то большим, с чем-то великим...

Временами жизнь в нескончаемом круговороте мелких обыденных дел и событий представляет собой бег по кругу. Мир в такие моменты кажется маленьким и простым, скучным и замкнутым. Домашние дела сменяются походами на службу, прерываются наступающими время от времени выходными, и однообразие течет медлительною рекою.

Матильда была лишена подобных чувств и соображений, в той или иной форме знакомых практически каждому: с самого раннего детства сцена и возможность на этой сцене присутствовать огораживали ее от скуки бытовой жизни. Чудеса, происходящие в спектакле, случались будто бы и с нею самой — и она могла летать, могла умирать, чтобы потом воскреснуть, могла совершать немислимые подвиги и поступки, идти на преступления

и убийства. Жизнь, заполненная танцем, становилась такой же захватывающей и зрелищной, как и спектакль. Она забывала о своей принадлежности к определенному времени и месту в пространстве, теряла чувство реальности происходящего и... Разрезанная Пьериной тонкая лямка соскользнула с плеча, обнажая маленькую, упругую грудь. Лиф упал.

Зал ахнул, а время для Матильды потекло медленно: так, что между ударами сердца в голове успевало промелькнуть сразу несколько мыслей.

Удар сердца. Иван Карлович в истерике что-то кричит за сценой. Дирижер, позабыв про оркестр, оборачивается к ней, сияясь разглядеть ее лицо. *Удар сердца.* Дамы смущенно отворачиваются, прячут глаза. Мужчины напрягаются в своих креслах. Наследник привстает в своей ложе. *Удар сердца.* Тело не слушается, не хочет двигаться, не хочет быть здесь и сейчас. Так сбывается кошмарный сон, банальный, пошлый в своей предсказуемости — ты на сцене, на тебе нет одежды, и все молчат...

И это самое обидное в подобных снах ты прекрасно отдаешь себе отчет в том, что спишь, но ни проснуться, ни что-либо во сне изменить ты при этом не в силах. Ты будто бы в сознании, но твои действия не совсем тебе подвластны. Ты стоишь на сцене без одежды, и все твоё сознание кричит о том, что нужно как можно быстрее сойти со сцены, сокрыться от удивленно распахнутых глаз, прикованных к твоему телу взглядов — и не можешь сделать шаг.

«Ладно, то — сон, — приказала себе Матильда, — теперь же *это* происходит *на самом деле*. Если я не могу управлять снами, то уж реальная жизнь останется точно мне подвластной... Только от меня зависит то, как я поведу себя в эту минуту... Только от меня. И я в силах не допустить... в силах прекратить... Хватит!»

Губы Матильды растянулись в улыбке. Эта улыбка, сдержанная, напряженная, была ничем иным, как примером великой воли самого разумного из живущих на Земле существ — воли человека. Вслед за улыбкой пошло трещинами и распалось, как кокон, сковывающий тело, жаркое оцепенение стыда. Матильда продолжила танец. Теперь в композиции не было ни тени прежней легкости, хотя музыка оставалась неизменной, остались лишь отточенные движения, и та же грация, и тот же ритм. И желание — нерушимое желание выжить, выполнить, дойти, желание жить. Именно это желание заставляло мужчин заливаться румянцем, это обнаженное, волевое желание жизни, а не обнаженная грудь младшей, пока еще «второй-Кшесинской».

Зал взорвался, обезумев от восхищения и восторга. Матильда стояла, поддерживая лиф руками, улыбаясь и глядя прямо перед собой. Она не повернула головы в сторону царской ложи, где все еще продолжая стоять, громко хлопал Наследник. Его аплодисменты тонули в общем море восторга и любви, обрушившегося на сцену из зала. Матильде не нужно было поворачивать голову — она точно знала о том, что происходит сейчас в царской ложе.

ГЛАВА 2

ДВА СБЫВШИХСЯ ПРОРОЧЕСТВА И ОДИН УКРАДЕННЫЙ ПОЦЕЛУЙ

* * *

— А сейчас лучшие офицеры нашего полка пройдут небывалое испытание! Тот, кто с риском для жизни добудет корону и доставит ее нашим прекрасным дамам, получит в награду поцелуй своей избранницы!

С этими словами стоящий на подиуме князь Владимир принял факел из рук подошедшего казака, ознаменовав тем самым начало состязания. Великий князь окинул благосклонным взглядом свою фаворитку — Пьерину.

Матильде хотелось расхохотаться. Интересно, как далеко можно зайти, имея такого покровителя — могла бы Леньяни действительно просто ее прирезать? Вопрос конкуренции тогда уж точно был бы решен.

Она понимала, что чувства, которые она испытывает к Пьерине, объясняются сложившимся между ними произвольным соперничеством. Ну и еще тем, что они по-разному смотрят на вопрос того, что допустимо, а что недопустимо ради карьеры. Какое поведение приемливо, а какое — нет. Матильда не знала Пьерину близко, не знала, какой она человек, и могла судить о ее характере и взглядах на мир